

Научная статья /
Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

«ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ТОХТАМЫША НА МОСКВУ»: ПАРАДОКСЫ ЖАЛОСТИ

© 2021 г. О.А. Туфанова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 15 марта 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 29 апреля 2021 г.

Дата публикации: 25 сентября 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-134-147>

Аннотация: В статье анализируются особенности реализации мотива жалости в «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву», дошедшей до нас в краткой (Симеоновская летопись, Рогожский летописец) и пространной версиях (Новгородская IV, Софийская и Новгородская Карамзинская летописи). Минимализм в использовании изобразительно-выразительных средств компенсируется в рассказе о событиях 1382 г. по версии Симеоновской летописи за счет разных видов повторов, определяющих и главную мысль, и пафос произведения. На основе их анализа выявляются ведущие мотивы разграбления и сожжения, актуализирующие главную авторскую идею: нашествие Тохтамыша воспринимается и изображается как грабеж и страшное разорение, нанесшее колоссальный ущерб Москве и близлежащим городам. И если автор пространной повести основное внимание уделяет героизму защитников города, сожалеет о принявших жестокую смерть от врага мирянах и духовных лицах, то автор краткой повести сосредоточен на описании разрушительных действий ордынцев. Сожаления по поводу материального ущерба проявляются в краткой версии чаще, нежели жалость к погибшим. Объяснения этой особенности кроются в предшествующих летописных рассказах. К моменту написания краткой повести о нашествии Тохтамыша на Москву в Симеоновской летописи сложился композиционный и стилистический шаблон для описания набегов ордынцев, важнейшую роль в котором играли именно мотивы разграбления и сожжения. Повторяемость одних и тех же событий на протяжении долгого периода и лаконизм как отличительное свойство летописи приводят к тому, что в краткой повести при воспроизведении общей схемы повествования на первый план выходит мотив сожаления о нанесенном материальном ущербе, а не жалость к погибшим.

Ключевые слова: краткая повесть, нашествие Тохтамыша, повтор, мотив жалости.

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

E-mail: tufoa@mail.ru

Для цитирования: Туфанова О.А. «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву»: парадоксы жалости // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 3. С. 134–147. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-134-147>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 3, 2021

THE TALE OF KHAN TOKHTAMYSH' INVASION OF MOSCOW: PARADOXES OF REGRET

© 2021. Olga A. Tufanova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: March 15, 2021

Approved after reviewing: April 29, 2021

Date of publication: September 25, 2021

Abstract: This article explores specific representation of regret in *The Tale of Khan Tokhtamysh' Invasion of Moscow*. While there are two existing versions of this text, a brief version (Simeonovskaya Chronicle, Rogozhskii Chronicler) and an extended version (Novgorodskaya Chronicle 4, Sofiiskaya and Novgorodskaya Karamzinskaya Chronicles), the article focuses on the hitherto understudied brief version. In Simeonovskaya version, different recurrent patterns that underline the main idea of the chronicle and define its pathos, compensate for the minimum of expressive tropes employed in the narrative of the 1382 invasion. The analysis reveals two major motifs — of plundering and burning — that support the author's main thought: Tokhtamysh's invasion was a plunder and a terrible destruction that caused massive damage to Moscow and the neighboring towns. Whereas the author of the extended version focuses more on the heroism of the city defenders and laments the cruel death of civil citizens and clergy, the author of the brief chronicle is more concerned with the description of the devastating event itself. The author of the brief version regrets the material damage caused by Tokhtamysh more than he would grieve for the victims. It is possible to explain this peculiarity by turning to earlier chronicles. By the time the brief chronicle of Tokhtamysh invasion was written, Simeonovskaya Chronicle had developed a structural and stylistic pattern describing invasions of the Horde that accentuated motifs of plundering and burning. The recurrence of similar events in a long time-period together with laconic style typical for chronicles resulted in the mentioned specificity: the brief version of the chronicle, following the pattern, puts to the fore regret about the material damage instead of mourning.

Keywords: brief chronicle, Tokhtamysh's invasion, recurrence, motif of regret.

Information about the author: Olga A. Tufanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

E-mail: tufoa@mail.ru

For citation: Tufanova, O.A. "The Tale of Khan Tokhtamysh' Invasion of Moscow: Paradoxes of Regret." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 3, 2021, pp. 134–147. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-134-147>

23 августа 1382 г., всего два года спустя после Куликовской битвы, передовые полки хана Тохтамыша подошли к Москве. В отсутствие князя Дмитрия Ивановича оборону города возглавил князь Остей, который вместе с москвичами и жителями окрестных мест успешно отражал трехдневный штурм ордынцев. Не сумев сломить оборону защитников, татары льстивыми обещаниями убедили москвичей открыть ворота и 26 августа 1382 г. ворвались в город. 24 тысячи человек погибло, Москва была разгромлена и сожжена [7].

Этим событиям лета 1382 (6890) г. и посвящена «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву». Она дошла до нас в составе летописных сводов в двух основных редакциях. Краткий рассказ содержится в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, пространные варианты — в Новгородской IV, Софийской и Новгородской Карамзинской летописях.

Первые исследователи этой повести С.К. Шамбинаго, М.Н. Тихомиров, Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский, Л.В. Черепнин, В.А. Плугин, согласно констатируя наличие разных версий этого произведения, высказывали противоречивые мнения о том, какой вариант является первоначальной редакцией [24; 22, с. 157–161; 15, с. 324; 23, с. 633, 637; 19, с. 85]. На основе краткого текстологического анализа Д.С. Лихачев, а вслед за ним Я.С. Лурье полагали, что древнейший вариант читается в Рогожском летописце и Симеоновской летописи [17; 5, с. 266–269; 18]. М.А. Салмина, проведя подробный «текстологический анализ различных версий Повести о Тохтамыше» «в тесной связи с историей заключающих ее в себе летописных сводов» [11, с. 136], пришла к выводу, что «краткий рассказ свода 1408 г. не является сокращением пространной Повести о нашествии Тохтамыша. Он первичен по

отношению к ней и послужил основой для ее написания» [11, с. 148]. Иную точку зрения высказал Л.А. Дмитриев. Поскольку подробности нашествия, содержащиеся в пространной редакции, стилистически представляющей собой «единый цельный текст» [16, с. 200], «носят характер не поздних домыслов, а свидетельств современников и даже очевидца событий» [16, с. 199], исследователь предположил, что пространная повесть «была создана независимо от летописей и уже позже вошла в летописные своды: в сокращенном виде в свод 1408 г. и в полном — в свод 1448 г.» [16, с. 200].

Несмотря на разные, порой диаметрально противоположные предположения о взаимоотношениях краткой и пространной редакций памятника, ученые едины в оценке патриотического поведения москвичей и жителей окрестных мест, самоотверженно защищавших город. По мнению Л.А. Дмитриева, пространная повесть — это «один из интереснейших памятников древнерусской литературы, в котором, как ни в каком другом произведении этого времени, нашла подробное отражение роль народа в происходящих событиях» [16, с. 202]. Автор краткой повести, правда не столь явно, как создатель пространной версии, подчеркивает, что «безбожным» полкам татарским противостояли обычные мирные жители. Он пишет, что князь Остей затворился в Москве со множеством народа: «...а въ городѣ Москвѣ тогда затворился князь Остѣи, внукъ Олгердовъ, съ множествомъ народа, съ тѣми елико осталось гражданъ, и елико бѣжанъ съ волости збѣжалосѣ, и елико отъ инѣхъ збѣжалосѣ, а въ то время приключишасѣ и елико игумени, и прозвитери, и чернци, и нищїи и убозии, и всякъ възрастъ мужей и жены, и дѣти, и младенци» [20, с. 132]. В этом перечне не упомянуты ни воеводы, ни ратные. Рассказывая о гибели защитников города, автор использует «сложные конструкции повторов» [13, с. 65], завершая их «формульной конструкцией судьбы побежденных в воинских повестях» [13, с. 65]. Город защищали духовные лица и «простыцы», с которыми три дня не могли справиться опытные воины. Данный факт не мог не впечатлить современников событий тех дней, и это нашло отражение в единственном фрагменте в краткой повести, эмоционально описывающем душевное состояние москвичей после захвата города: «И быше въ градѣ видѣти плачь и рыданіе и вопль многъ, слезы, крикъ, стонаніе, оханіе, сѣтованіе, печаль горкая, скорбь, бѣда, нужда, горесть смертная, страхъ, трепеть, ужась, дряхлованіе, ищезновеніе, роптаніе,

безчестіє, поруганіє, понось, смѣханіє врагомъ и укоръ, студъ, срамота, поношеніє, уничиженіє» [20, с. 133; аналогично — 21, стб. 145]¹.

Анализируя стилистику «Повести о нашествии Тохтамыша», Н.В. Трофимова справедливо отмечала, что летописцы и краткой, и пространной повести «воспользовались приемами эмоционально-риторического стиля», напоминающего «стиль *плетения словес*» (курсив в тексте) [13, с. 63], и прежде всего разными видами повторов.

Повторы определяют и основной пафос, и главную мысль во всех версиях повести. И потому трудно оставить без внимания замечание М.А. Салминой о том, что «автор повести не столько описывает действия горожан, сколько рассказывает об ущербе, нанесенном завоевателями городу» [11, с. 149]. Ранее в этом же ключе высказывался М.Н. Тихомиров [22, с. 160–161]. Однако эти реплики остались незамеченными в большинстве исследований, в которых в первую очередь говорилось о героизме защитников города на материале пространной повести. Более того, изучению в основном подвергалась пространная повесть как наиболее интересная в художественно-историческом аспекте. Главное внимание было сосредоточено: 1) на оценке личности и деяний великого князя Дмитрия Ивановича [10; 7; 4; 2; 8], 2) на оценке поведения защитников города [16; 22, с. 157–161], 3) роли библейских цитат в повести [14; 3], 4) специфике плачей [12], 5) своеобразии стилистики повести [13], 6) небесном знамении, предшествовавшем нашествию [1].

В результате, несмотря на довольно хорошую изученность памятника, один из главных вопросов о том, какие мотивы и авторские идеи актуализируют повторы именно в краткой повести, оказался вне поля зрения исследователей. А между тем именно в этом и кроется загадка самой ранней из дошедших до нас версий «Повести о нашествии Тохтамыша».

Как это ни странно, если вспомнить о 24 тысячах погибших, в краткой версии главным является не мотив героизма защитников (об этом вообще речь не идет), не жалости к принявшим жестокую смерть от рук врага духовным лицам и простым мирянам, а мотив разграбления и/или сожжения.

¹ В Рогожском летописце и Симеоновской летописи тексты краткой «Повести о нашествии Тохтамыша» полностью совпадают. См. подробнее: [25, с. 312]. Идентичен этот текст и рассказу «об этом событии в своде 1408 г. (Троицкая летопись)...» [11, с. 136–137]. Подробнее о тождестве статей за 1177–1390 гг. в Симеоновской и Троицкой летописях см.: [26, с. 553].

Уже в самом начале краткой повести, описывая события, предшествовавшие приходу полчищ Тохтамыша на русские земли, автор пишет, что хан «повелѣ христіанскія гости Русскыя грабити, а съсуды ихъ и съ товаромъ отнимати и провадити къ себѣ на перевозъ» [20, с. 132; аналогично — 21, стб. 143]. Ворвавшись в Москву, ордынцы «церкви сборныя разграбиша, и иконы чюдныя и честныя одраша украшенныя златомъ и серебромъ, и жемчугомъ, и бисеромъ, и каменіемъ драгымъ, и пелены золотомъ шитыя и саженыя одраша, кузнъ с ыконъ одраша, а иконы попраша, и съсуды церковныя священныя поимаша, и ризы поповскыя пограбиша» [20, с. 132; аналогично — 21, стб. 144]. Книги, и хранившиеся в Москве, и принесенные на сохранение из окрестных мест, «все безъ вести сътвориша» [20, с. 132; аналогично — 21, стб. 144–145]. Наконец, завершая рассказ о падении Москвы, автор снова упоминает о том, что «татарове» «товаръ же и имѣнія вся пограбиша» [20, с. 133; аналогично — 21, стб. 145] и вернувшийся в Москву князь Дмитрий Иванович увидел, что все «церкви разорены» [20, с. 133; аналогично — 21, стб. 146]. Эта же участь постигла и другие волости, которые татарская рать «повоеваша, и города поимаша... а монастыри пограбиша» [20, с. 133; аналогично — 21, стб. 145]. Таким образом, глагольные повторы с лексемой разорения и грабежа формируют один из ведущих мотивов краткой повести, пронизывающий повествование от начала до конца. И поскольку «повторяющиеся текстообразующие средства в каждом отрезке текста актуализируют ту или иную характеристику данного отрывка» [6, с. 51], выявленные повторы, несмотря на расположение в разных сегментах повести, можно рассматривать как прием, который позволяет определить один из ведущих мотивов в повествовании и одну из главных авторских мыслей: нашествие Тохтамыша воспринимается и изображается в краткой повести как грабеж и страшное разорение, нанесшее колоссальный ущерб и Москве, и близлежащим городам и селам.

С мотивом разграбления тесно связан мотив сожжения, который также обнаруживается в тексте благодаря глагольным повторам с соответствующей лексемой. Как правило, в тексте повести упоминания о сожжении всегда стоят после рассказа о разграблении. Так, пришедший на русские земли Тохтамыш, перейдя Оку, первым делом сжег Серпухов: «...и прежде всѣхъ взя Серпоховъ и огнемъ градъ пожже...» [20, с. 132]. По дороге к Москве он «волости и села жгучи и воюючи» [20, с. 132]. Разграбив Москву, «по семъ

огнемъ пожгоша» ее [20, с. 133]. На возвратном пути в Орду «села пожгоша», Рязанскую землю «огнемъ пожже» [20, с. 133]. Второй ряд глагольных повторов акцентирует тот же самый аспект: ордынцы, возглавляемые Тохтамышем, не только убивали, уводили людей в плен, но и повсюду, где бы ни проходили, уничтожали объекты материальной культуры. Упоминания о «посечении» людей встречаются в тех же контекстах, что и глагольные повторы с лексемами «разорение» и «сожжение», более того, они никогда не ставятся на первое место.

Краткая повесть, за исключением одного фрагмента, лишена эмоциональных авторских восклицаний, эпитетов. Минимализм в использовании изобразительно-выразительных средств компенсируется в тексте за счет разных видов повторов. И тем значительнее становится единственный фрагмент, в котором говорится о чувствах князя Дмитрия Ивановича, вернувшегося в разоренную и сожженную Москву: «...и ведѣша градъ взятъ и огнемъ пожженъ, и церкви разорены, а люди мертвыхъ множество безчисленное лежащихъ, и о семъ зѣло съжалишася, яко расплакатися има...» [20, с. 133]. Завершает этот пассаж примечательный факт: «...и повелѣша тѣлеса ихъ мертвыхъ трупѣа хоронити, и даваста отъ 40 мертвецъ по полтинѣ, а отъ 80 по рублю, и съчтоша того всего дано бысть полторасти рублей» [20, с. 133]. О чем сожалеет князь? О разграблении и сожжении города, о гибели людей. Что фиксирует автор краткой повести, что для него важно? Не только и не столько гибель людей, сколько гибель материальных объектов. Да, он эмоционально описывает чувства москвичей, но всего в одном фрагменте повести, в отличие от аналогичных рассказов о других нашествиях ордынцев. Да, автор говорит о чувствах князя, но тоже один раз, и тут же переходит к рассказу о выплатах за погребение умерших, т. е. снова пишет о материальном. При этом в тексте краткой повести почти отсутствует рассказ о действиях защитников города, однако постоянно фиксируются разрушительные деяния ордынцев. Перед нами какой-то удивительный для древнерусской литературы случай проявления жалости: сожаление о материальном ущербе проявляется чаще, нежели жалость к погибшим.

Невозможно объяснить эту особенность строгостью изложения, которой отличается, как справедливо было замечено М.А. Салминой, краткая повесть свода 1408 г. от пространной, это все-таки «не хроникальная запись о событии 1382 г.», а «в какой-то мере литературно обработанное

произведение в “духе” киприановской традиции, с “плетением словес”» [11, с. 145]. Хорошо известно, что древнерусские книжники, включая тот или иной текст в состав памятников ансамблевого характера, адаптировали его под общую стилистику в соответствии с конкретными целями и задачами и в то же время, соблюдая «литературный этикет», руководствовались личными художественными вкусами.

Вероятно, и краткая повесть о нашествии Тохтамыша в составе Симеоновской летописи отчасти создавалась по аналогии с другими рассказами². Этот текст не единственный случай в Симеоновской летописи, когда автор сосредоточивает внимание на описании ущерба от пожаров и нашествий. Так, он пишет, что 27 апреля 1185 (6693) г. во Владимире был пожар: «...погорѣ бо мало не весь городъ, и церкви числомъ 32, и съборная церковь святая Богородица Златоверхая, юже бѣ създаль благовѣрный князь Андрѣи, и та загорѣся сверху, и что бяше въ неи днѣи узорочи паникадила сребрена, и съсуды златыхъ и серебряныхъ, и портъ золотомъ кованыхъ и каменіемъ драгимъ и жумчугомъ великимъ, имъ же нѣсть числа, <...> вымыкаша изъ церкви на дворъ всякая узорочья и покладоша среди двора церковного, ис терема куны и книги, и укси паволоки церковныя, иже вѣшаху на праздникъ, и до съсудъ, имъ же нѣсть числа, все то огонь взя безъ учета...» [20, с. 27–28]. Описывая ущерб от пожара, летописец прибегает к похожему художественному приему, подробно, в деталях, перечисляя предметы сгоревшего церковного имущества и одновременно указывая на их материальную ценность. В аналогичной манере летописец рассказывает о пожаре в Ростове 15 мая 1212 (6720) г., так же фиксирует количество сгоревших церквей, особо выделяет один храм, упоминает, что именно погибло в огне: «...загорѣя градъ Ростовъ и погорѣ мало не весь, и церкви изгорѣ 15 <...> есть церкви во имя святого Іоанна Предтечи на дворѣ въ епископыи у светои Богородици, и згорѣ церковь та вся отъ верха и до земли, и иконы, что не успѣли вымыкати, и гробивъ въ земли дну...» [20, с. 46–47].

Вещный мир постоянно находится в центре внимания летописца. Его описание появляется на страницах Симеоновской летописи не только в связи с трагическими или драматическими событиями. Рассказы о радост-

² Данное утверждение справедливо исключительно по отношению к Симеоновской летописи. В Рогожском летописце не наблюдаются описываемые далее явления.

ных и светлых днях также сопровождаются подробными перечнями. Например, повествуя о постриге сына великого князя Всеволода 26 октября 1196 (6704) г., летописец фиксирует, с какими подарками уехали домой гости: «...и тако разѣхашася кождо въ свояси, одарены дары безцѣнными, комони и сосуды златыми и сребреными, сребромъ и златомъ, и порты, а мужѣ ихъ комонми, скорою и паволоками...» [20, с. 36]. Он не только перечисляет «бесценные» дары, но и, как бы между прочим, подчеркивает их дороговизну.

Если склонность к описанию материальных ценностей в мирные дни проявляется в разных фрагментах Симеоновской летописи только время от времени, то при описании татаро-монгольского нашествия автор постоянно, почти в одних и тех же выражениях, описывает разрушительные последствия движения ордынцев по Руси. Сообщая о приходе войск Батыя в пределы Рязанского княжества, он пишет: «...безбожнии Татарове съ царемъ ихъ Батиемъ и пришедше сташа первое станомъ по Онузѣ и взяша ю и пожгоша» [20, с. 54]; «Татарове же взяша градъ ихъ Рязань <...> и пожгоша весь... <...> Много же святыхъ церкви огневи предаша, и монастыри и села пожгоша, а имѣніе ихъ поимаша» [20, с. 55]. Та же участь постигла и Суздаль: «Татарове же <...> взяша градъ Суздаль и церковь святую Богородицу розграбиша, а прочее все огнемъ пожгоша, церкви же и монастыря розграбиша и пожгоша...» [20, с. 56]. И т. д.

В сходных выражениях с краткой повестью о нашествии Тохтамыша летописец описывает разграбление Церкви святой Богородицы во Владимире: «Татарове же силою отвориша двери церковныя <...> святую Богородицу розграбиша, чюдную ону икону одраша, украшеную златомъ и сребромъ и каменіемъ драгымъ, и монастыри всѣ и иконы ограбиша, и съсуды священныя и книги одраша, и порты блаженныхъ дивныхъ первыхъ княземъ великихъ, еже бяху узорочья повѣшали а на память собѣ въ церквахъ святыхъ, тоже все положиша въ полонъ» [20, с. 56]. И, что удивительно, после этого сразу же приводит те же самые слова пророка из Псалтыри (Пс. 78: 2): «...прідоша языци въ достоаніе Твое, оскверниша церковь Твою и положиша Іерусалима, яко овощное хранилище...» [20, с. 56; ср.: 20, с. 132].

Рассказывая о разорении Муром и окрестностей 1281 (6789) г., летописец прибегает к той же самой схеме: пришли татары — ограбили, убили, увели в полон людей — далее следует детальное описание разграбления

церкви, перечисление похищенной церковной утвари — наконец, завершается фрагмент укороченной цитатой из того же самого псалма: «Татарове же разсыпашася по земли, Муромъ пусть сътвориша, около Володимеря, около Юрьева, около Суздаля, около Переяславля все пусто сътвориша и пограбиша люди <...> имѣніе то все пограбиша и поведоша въ полонъ. <...> Татарове же попустошиша и города, и волости, и села, и погосты, и монастыри, и церкви пограбиша, иконы и кресты честныя, и сосуды свящєнныя служебныя, и пелены, и книги, и всяко узорочіе пограбиша, и у всѣхъ церкви двери высѣкоша <...>; якоже рече пророкъ: Боже, придоша языци въ достоаніе Твое, оскверниша церкви святыя Твоя» [20, с. 78]. Эта же схема повторяется в повествовании о Дюденевой рати [20, с. 82] с той лишь разницей, что в нем отсутствует последний элемент — цитата из псалма.

Наконец, еще одна примечательная особенность Симеоновской летописи: если в одной летописной статье уже было рассказано о сходной участи городов, претерпевших от татар, то, воссоздав один раз схему, автор повторно не воспроизводил ее в этой же или следующей за ней статье, а отсылал к изложенному выше. Так, после подробного, выписанного по схеме рассказа о взятии Мурома и окрестностей автор лаконично отметил: «Того же лѣта (6790. — О.Т.) бысть другая рать на князя Дмитрея Александровичя <...>, и сътвори зло въ земли Суздальской такоже, преже сказахомъ» [20, с. 79]. Аналогично оформлена запись о взятии Москвы после подробного повествования (по той же схеме) о взятии Суздаля и Владимира Дюденевой ратью: «...и тако въѣхаша въ Москву, и сътвориша такоже, якоже и Суждалю и Володимерю, и прочимъ городомъ...» [20, с. 82].

Очевидно, что к моменту написания/включения краткой повести о нашествии Тохтамыша на Москву в летописи уже сложился определенный композиционный и стилистический шаблон для описания набегов ордынцев³, не последнюю роль в котором играли мотивы разграбления и сожжения, позволявшие автору показать и подчеркнуть, какой материальный ущерб наносили татарские рати русским землям. Не случайно в целом ряде летописных статей в определенном контексте повторяется лексема «пусто»,

3 Нечто подобное, по мнению В.Н. Рудакова, наблюдается в рассказах о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи: «...текст повести содержит значительное количество заимствований из предшествующего летописного массива, дополняющих или раскрывающих смысл оригинальных частей рассказа о нашествии» [9, с. 149].

не случайны и перечни того, что было похищено или уничтожено завоевателями. И если в первых рассказах о нашествии ордынцев летописец подробно повествовал о бедах, страданиях людей, убиваемых, уводимых в полон, то к моменту описания событий 1382 г. у него накопилась некоторая усталость в изображении ужасных страданий. Любой приход татар на Русь сопровождался одними и теми же событиями: убийствами, грабежами, сожжениями городов и сел, осквернением храмов и монастырей. Повторяемость одних и тех же событий на протяжении довольно долгого периода и лаконизм как отличительное свойство летописи как жанровой формы приводят к тому, что в краткой повести о нашествии Тохтамыша при воспроизведении общей схемы повествования о подобных событиях, вероятно, неожиданно для самого автора, на первый план (за счет использования определенных повторов) выходит мотив сожаления о нанесенном материальном ущербе. Тем не менее автора краткой повести нельзя упрекнуть в бесчувственности, риторический пассаж в стиле «плетения словес», описывающий чувства московских жителей, свидетельствует об обратном — о жалости к погибшим. Являясь кульминационной эмоциональной точкой повести, он не становится ведущим. Но, наряду с мотивом сожаления о материальном ущербе, максимально ярко высвечивает главную авторскую мысль: любые войны, нашествия несут смерть и разорение, оставляя по себе «плачь и рыдание и вопль многъ» [20, с. 133].

Список литературы

Исследования

- 1 Александров С.С. Мотив небесного заступничества в древнерусских воинских повестях XV века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 165–169. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-165-169
- 2 Быков А., Кузьмина О. Сожженная Москва // История (еженедельное приложение к газете «Первое сентября», г. Москва). 2000. № 35. URL: <http://yakov.works/history/14/3/1382kuzm.htm> (дата обращения: 12.02.2021).
- 3 Денисова И.В. Библейские цитаты в рязанском летописном тексте // Вестник Рязанского государственного университета. 2020. № 1 (66). С. 88–94.
- 4 Денисова И.В. Летописный миф об Олеге Рязанском («Повесть о нашествии Тохтамыша») // Вестник Рязанского государственного университета. 2012. № 4 (37). С. 84–91.

- 5 Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / отв. ред. Я.С. Лурье. Л.: Наука, 1970. 597 с.
- 6 Казаева Л.И. Виды и функции повторов в текстах поэтического и художественного жанра // Вестник Югорского государственного университета. 2006. Вып. 5. С. 50–53.
- 7 Кузьмин А.Г. Нашествие Тохтамыша в 1382 году и его последствия // Общественный портал Слово. URL: https://www.portal-slovo.ru/history/35303.php?ELEMENT_ID=35303&PAGEN_1=3 (дата обращения: 12.02.2020).
- 8 Первушин М.В. Сравнительная героика: праведный Авраам и благоверный князь Дмитрий Донской // Вестник славянских культур. 2013. № 4 (30). С. 58–69.
- 9 Рудаков В.Н. Восприятие монголо-татар в летописных повестях о нашествии Батые // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Наследие, 2000. Сб. 10 / отв. ред. М.Ю. Люстров. С. 135–175.
- 10 Рудаков В.Н. Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1 (1). С. 15–27.
- 11 Салмина М.А. Повесть о нашествии Тохтамыша // Труды Отдела древнерусской литературы Л.: Наука, 1979. Т. 34: Куликовская битва и подъем национального самосознания. С. 134–151.
- 12 Трофимова Н.В. Особенности формы и стилистики плачей в летописных воинских повестях // Вестник славянских культур. 2014. № 1 (31). С. 141–149.
- 13 Трофимова Н.В. Своеобразие стилистики «Повести о нашествии Тохтамыша» // Русская речь. 2003. № 4. С. 63–68.
- 14 Трофимова Н.В. Функционирование библейских цитат в воинских повестях, вошедших в летописи XIV–XV вв. // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 137–150.

Источники

- 15 Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 478 с.
- 16 Дмитриев Л.А. Литература конца XIV — первой половины XV в. // История русской литературы XI–XVII веков / Д.С. Лихачев, Л.А. Дмитриев, Я.С. Лурье и др.; под ред. Д.С. Лихачева. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1985. С. 177–217.
- 17 Лихачев Д.С. Изучение текста во взаимодействии с другими произведениями // Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л.: Наука, 1962. С. 258–272.
- 18 Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 283 с.
- 19 Плугин В.А. Нерешенные вопросы русского летописания XIV–XV веков (К вводу в свет книги Я.С. Лурье «Общерусские летописи XIV–XV вв.*/) // История СССР. 1978. № 4. С. 73–93.

- 20 Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. Т. 18: Симеоновская летопись. 321 с.
- 21 Рогожский летописец. Тверской сборник (Полное собрание русских летописей. Т. XV). М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
- 22 Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. / сост. Л.И. Шохин; под ред. С.О. Шмидта. М.: Московский рабочий, 1992. 181 с.
- 23 Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.
- 24 Шамбинаго С.К. Исторические повести [в литературе Тверского княжества XIII–XIV вв.] // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. II, Ч. 1: Литература 1220-х – 1580-х гг. (1945). С. 101–106.
- 25 Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. 372 с.
- 26 Шахматов А.А. Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV в. // ИОРЯС. 1900. Т. V, кн. 2. С. 451–553.

References

- 1 Aleksandrov, S.S. "Motiv nebesnogo zastupnichestva v drevnerusskikh voinskikh povestiakh XV veka" ["The Motif of Divine Intercession in the Old Russian Military Novels of the 15th Century"]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Filologïia. Zhurnalistika*, vol. 18, issue 2, 2018, pp. 165–169. (In Russ.) DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-2-165-169
- 2 Bykov, A., Kuz'mina, O. "Sozhzhennaia Moskva" ["Moscow Burnt"]. *Istoriia (ezhenedel'noe prilozhenie k gazete "Pervoe sentiabria")*, no. 35, 2000. Available at: <http://yakov.works/history/14/3/1382kuzm.htm> (Accessed 12 February 2021). (In Russ.)
- 3 Denisova, I.V. "Bibleiskie tsitaty v riazanskom letopisnom tekste" ["Biblical Quotations in Ryazan Chronicles"]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (66), 2020, pp. 88–94. (In Russ.)
- 4 Denisova, I.V. "Letopisnyi mif ob Olege Riazanskom ('Povest' o nashestvii Tokhtamysha)" ["The Chronicle Myth about Oleg of Ryazan (*The Tale of Tokhtamysh' Invasion*)"]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (37), 2012, pp. 84–91. (In Russ.)
- 5 Lur'e, Ia.S., editor. *Istoki russkoi belletristiki. Vozniknovenie zhanrov siuzhetnogo povestvovaniia v drevnerusskoi literature* [*The Origins of Russian Fiction. The Emergence of Storytelling Genres in the Old Russian Literature*]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 597 p. (In Russ.)

- 6 Kazaeva, L.I. "Vidy i funktsii povtorov v tekstakh poeticheskogo i khudozhestvennogo zhanra" ["Types and Functions of Repetition in Poetic and Fictional Genres"]. *Vestnik Iugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 5, 2006, pp. 50–53. (In Russ.)
- 7 Kuz'min, A.G. "Nashestvie Tokhtamysha v 1382 godu i ego posledstviia" ["Invasion of Tokhtamysh in 1382 and its Consequences]. *Obrazovatel'nyi portal Slovo [Educational Portal Word]*. Available at: https://www.portal-slovo.ru/history/35303.php?ELEMENT_ID=35303&PAGEN_1=3 (Accessed 12 February 2020).
- 8 Pervushin, M.V. "Sravnitel'naia geroika: pravednyi Avraam i blagovernnyi kniaz' Dmitrii Donskoi" ["Comparative Heroics: Biblical Abraham and Dmitry Donskoy"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 4 (30), 2013, pp. 58–69. (In Russ.)
- 9 Rudakov, V.N. "Vospriiatie mongolo-tatar v letopisnykh povestiakh o nashestvii Batyia" ["The Perception of the Mongol-Tatars in the Chronicle Stories about the Invasion of Batu Khan"]. *Germenevika drevnerusskoi literatury [Hermeneutics of the Old Russian Literature]*, issue 10, ed. M.Iu. Ljustrov. Moscow, Nasledie Publ., 2000, pp. 135–175. (In Russ.)
- 10 Rudakov, V.N. "Neozhidannye shtrikhi k portretu Dmitriia Donskogo (begstvo velikogo kniazia iz Moskvy v otsenke drevnerusskogo knizhnika)" ["Unexpected Details about Dmitry Donskoy (the Flight of the Grand Duke from Moscow in the Assessment of the Ancient Russian Scribe)"]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 1 (1), 2000, pp. 15–27. (In Russ.)
- 11 Salmina, M.A. "Povest' o nashestvii Tokhtamysha" [*The Tale of Tokhtamysh' Invasion*]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]*, vol. 34. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 134–151. (In Russ.)
- 12 Trofimova, N.V. "Osobennosti formy i stilistiki plachei v letopisnykh voinskikh povestiakh" ["Features of the Form and the Stylistics of the Lamentations in the Chronicle Military Narratives"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 1 (31), 2014, pp. 141–149. (In Russ.)
- 13 Trofimova, N.V. "Svoeobrazie stilistiki 'Povesti o nashestvii Tokhtamysha.'" ["The Originality of the Style of *The Tale of Tokhtamysh' Invasion*"]. *Russkaia rech'*, no. 4, 2003, pp. 63–68. (In Russ.)
- 14 Trofimova, N.V. "Funktsionirovanie bibleiskikh tsitat v voinskikh povestiakh, voshedshikh v letopisi XIV–XV vv." ["The Functioning of the Biblical Quotations in Military Narrations, Included in the Chronicles of the 14th–15th Centuries"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 48, 2018, pp. 137–150. (In Russ.)